

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*При любом режиме
бумажка в сто
долларов будет
главным аргументом
твоей
состоятельности
и твоего ума.*

Чингиз Абдуллаев

Казначей

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев

Казначей

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182869

Казначей: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-35405-4

Аннотация

После смерти отца, уважаемого человека, фронтовика, погибшего в результате несчастного случая, финансист Анатолий Гудниченко оказывается свидетелем череды странных событий. Сначала на дачу, доставшуюся ему по наследству, проникают неизвестные, переворачивают все вверх дном и уродуют отцовскую машину. Затем кто-то похищает мать Анатолия, требуя в качестве выкупа нечто ценное, но не уточняя, что именно. Столь же неожиданно похитители освобождают заложницу...

Гадая о том, что все это может значить, Гудниченко вспоминает о ключе от еще одной дачи, который ему незадолго до кончины передал отец. Перерыв весь дом, Анатолий натывается на тайник с десятью миллионами долларов. С той минуты его жизнь становится другой – найденные деньги уродуют судьбу Гудниченко до неузнаваемости...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Чингиз Акифович Абдуллаев Казначей

*Мне кажется, нет ни плохих, ни хороших людей.
Есть только люди, которые могут быть самими
собой и не могут. Ты перестал быть самим собой.
Ты – это лже-Ты.
Киндзабуро Оэ.
«Футбол 1860 года».*

*Только простак может соблюсти себя в
чистоте. Кто умен и многогранен и не хочет
оставаться совсем в стороне от мимо текущей
жизни, тот неминуемо должен замарать свою
душу и стать предателем.
Лион Фейхтвангер.*

Часть I

Глава 1

Он помнил, как тяжело умирал его отец. Летом девяносто первого года, во времена самых больших потрясений, проис-

ходивших в стране, отца сбила машина. Отцу было уже почти шестьдесят пять. Он редко выходил на улицу, предпочитая передвигаться по городу в своем автомобиле. Гулять он любил только на даче, за городом. А здесь, выйдя случайно на улицу, чтобы дойти до соседнего магазина, неожиданно оказался на улице, где в этот момент мчалась неизвестная машина. «Волга» сбила отца и скрылась с места происшествия. Водителя-убийцу так и не смогли найти. А отца привезли домой и позвонили Анатолию, чтобы он срочно прилетел домой, в Киев, где жили его родители.

У отца был переломан позвоночник, и он прожил еще около суток. В течение этого времени он умоляюще смотрел на жену и детей, словно пытаясь сказать какие-то важные слова. Но ни писать, ни говорить он уже не мог. Любые попытки даже поднять руку были бесполезны. Сын видел, как отец плакал, пытаясь что-то сообщить близким, но так ничего и не смог произнести. На следующий день отец умер. И даже в последнее мгновение своей жизни он сжимал в руках ручку, будто собирался написать.

Они никогда не были особенно близки. Отец был сухим, достаточно замкнутым, малоразговорчивым человеком. За все время учебы детей в школе он ни разу не появился там, ни разу не поинтересовался, как учатся дети, какие у них успехи. Его, казалось, не волновали эти проблемы. Он полностью передоверил воспитание детей (сына и дочери) своей супруге. Сам Андрей Алексеевич Гудниченко уже несколько

лет был персональным пенсионером республиканского значения.

Во время войны, исправив себе год рождения с двадцать шестого на двадцать пятый, он ушел на фронт, едва Советская Армия освободила Харьков в сорок третьем году. И два года воевал в пехоте, получил два ордена Славы и множество других наград. Вместе с наградами он получил и два ранения, сначала в Белоруссии, а под самый конец войны и в Пруссии, когда шли особенно ожесточенные бои за Кенигсберг. Ранения были нетяжелыми, и он возвращался в строй. В первый раз ему прострелили плечо, а во второй раз пуля попала в ногу. Он считал себя даже счастливчиком. Гудниченко-старший закончил войну не в Европе, как многие его сверстники, а на Дальнем Востоке, куда перебросили их дивизию для войны с Японией.

Ему было только двадцать лет, когда в сорок шестом он демобилизовался и вернулся домой, в разрушенный Харьков. Казалось, что теперь все будет иначе, по-другому. Но в сорок восьмом его арестовали. Молодой человек восторженно говорил о дорогах Германии, о налаженном быте в Пруссии, об их ухоженных садах и участках. Его обвинили в пропаганде зарубежного образа жизни и дали двенадцать лет лагерей. Награды, конечно, отобрали, а самого Гудниченко отправили на Север, где он и пытался выживать в одном из лагерей Дальлага больше восьми лет. В пятьдесят шестом его полностью реабилитировали, даже вернули награды. Он

приехал в Харьков и попытался закрепиться в родном городе, устроившись на работу слесарем одного из местных заводов.

Через два года он переехал в Киев и поступил в университет, чтобы получить высшее образование. Ему было уже тридцать три года, когда он встретил Клавдию, свою будущую супругу. Она училась, как и он, на заочном факультете, работая на фабрике швей. Клавдии было только двадцать четыре, и для нее фронтовик Гудниченко являлся почти легендарным человеком. Летом шестидесятого у них родился сын, которого называли Анатолием. Через три года появилась дочь Олеся.

Гудниченко-старший окончил университет и устроился на работу в совнархоз бухгалтером. Он довольно быстро делал карьеру: сказывалось фронтовое прошлое, два ордена Славы. В те годы к фронтовикам было особое отношение по всей стране, в том числе и на Украине. В шестьдесят пятом они переехали в новую трехкомнатную квартиру, которую Гудниченко получил, работая в совнархозе. Затем он перешел в финансовый отдел горисполкома, потом – в Министерство финансов. Он уходил на работу утром и приходил ровно в половине седьмого, всегда аккуратно одетый, чисто выбритый. Дома отец почти не разговаривал, дети редко слышали его голос. Он ужинал, проходил в спальню и читал там газеты до девяти часов вечера. Он рано ложился и рано вставал. В семь утра он уже делал зарядку на балконе, а в восемь

обычно выходил из дома. Даже когда он купил машину, он не изменял своим привычкам, раньше других появляясь на службе.

Сын не помнил, чтобы отец когда-нибудь повышал голос или кричал. Он помнил отца мрачным и малоразговорчивым человеком. В семнадцать лет Анатолий уехал поступать в московский вуз по разнарядке, выделяемой для Украины. К тому времени отец был уже начальником отдела республиканского Министерства финансов.

Анатолий учился в Москве, когда в Киеве произошло по своему знаменательное событие. Выяснилось, что отец был представлен к третьему ордену Славы, который он не успел получить из-за своего ранения в Пруссии. Ошибку исправили, отец стал полным кавалером орденов Славы, что приравнивалось к Героям Советского Союза с получением соответствующих льгот. На работе в министерстве этот факт бурно отметили. Все родственники и близкие поздравляли отца с получением третьего ордена Славы. А он пришел домой, опустил свой орден в стакан водки и долго сидел за столом, глядя на этот стакан. Отец почти не употреблял спиртного, даже война и лагерь не приучили его к этой пагубной страсти.

Уже в восьмидесятом отец стал заместителем министра финансов Украины. Он по-прежнему был сухим, сдержанным и мрачным человеком, о чем даже рассказывали анекдоты. Немногие знали, что он провел восемь лет своей жиз-

ни в лагерях. Все отмечали его боевое прошлое, заслуженные награды, компетентность в работе. Анатолий, окончив вуз, остался работать в Москве. За время учебы в столице отец навещал его только несколько раз. Их свидания больше походили на деловые встречи. Отец останавливался в гостинице «Москва», откуда звонил сыну. Тот приезжал, ужинал вместе с отцом. Во время ужина они почти не разговаривали. Иногда отец спрашивал, как идет учеба, сын отвечал, что нормально. На этом их общение заканчивалось. Отец оставлял сыну обычно пятьдесят рублей на расходы, считая, что такой суммы достаточно молодому человеку для проживания в Москве, и затем уезжал в Киев. Прощаясь, они пожимали друг другу руки: им обоим и в голову не могло прийти, что нужно целоваться при встречах или прощаниях.

Отца хорошо знали и уважали в Министерстве финансов Советского Союза. Именно поэтому Анатолия сразу после окончания вуза взяли на работу в центральный аппарат Министерства. К девяносто первому году, когда трагически погиб отец, он уже был начальником отдела Министерства финансов и успел даже защитить кандидатскую диссертацию.

В восемьдесят восьмом отец вышел на пенсию. Ему было уже шестьдесят два года. Он сам написал заявление и сам попросил разрешения уйти, несмотря на возражения министра, который высоко ценил опыт и знания своего заместителя. С тех пор отец окончательно замкнулся в себе, почти не выходил из дома, проводя большую часть времени на да-

че, за городом. Он даже перестал ходить на военные парады и надевать свой мундир с тремя орденами Славы, которые гордо красовались на его груди.

К этому времени Олеся вышла замуж и родила двух очаровательных близнецов. К девяносто первому году мальчикам было уже по четыре года. Анатолий не был женат, несмотря на то что ему перевалило за тридцать. Он купил хорошую двухкомнатную кооперативную квартиру, где охотно принимал своих гостей, среди которых было много женщин. Но ни одна из них не задерживалась в его квартире надолго. С годами он начал с ужасом замечать, что постепенно превращается в своего отца. Его раздражало многословие некоторых сотрудников, их суетливость, праздная болтовня.

Анатолий готовил докторскую диссертацию, ходили слухи, что ему предложат место начальника управления. Казалось, что все идет как нельзя лучше. Пока в Киеве не произошло это несчастье. Он просидел всю ночь рядом с умирающим отцом, который так и не сумел ему ничего рассказать. Потом тело отца хотели увезти в морг на вскрытие, но они отказались, понимая, что ничего нового уже не узнают. Через два дня были похороны. На кладбище пришло не так много людей. Андрея Алексеевича ценили и уважали коллеги, но его никогда особенно не любили. И поэтому многие решили даже не появляться на похоронах. В газетах напечатали соболезнование Министерства финансов, кто-то даже позвонил вдове умершего, кто-то передал свои соболезнова-

ния сыну погибшего, кто-то прислал цветы. И на этом траурная церемония завершилась.

Анатолий приехал домой. Заплаканная мать была в темном платье и черном платке. Когда все остальные наконец покинули дом, они остались втроем: мать, Олеся и Анатолий.

– Ты видишь, сынок, какое несчастье, – вздохнула мать, – кто бы мог подумать... Я думала, что он проживет до ста лет. Он ведь по-прежнему рано просыпался, зарядку делал каждый день. И часто ездил на дачу, где чувствовал себя гораздо лучше. В последние месяцы он даже жил там все время, не приезжая в город.

– Ему там нравилось, – подтвердила Олеся. Она отнеслась к смерти отца более спокойно. Может быть, сказывалось ее постоянное присутствие в Киеве. Или она держалась таким образом, чтобы не расстраивать мать. Анатолий с удивлением замечал, как реагирует на смерть отца его сестра. Она словно была готова к этому событию и не позволяла себе плакать или проявлять свои эмоции каким-то другим образом.

– Скоро должен приехать Степан, – вспомнила Олеся, – он сказал, что нам нужно будет переоформить машину и дачу на имя нашей мамы.

Степан Ткаченко был мужем его сестры. Он работал адвокатом и хорошо разбирался в подобных процедурах. Анатолий согласно кивнул головой. Его мало интересовали подобные проблемы. В конце концов, всем и так понятно, что

единственным наследником в этой ситуации может стать их мама.

– Делайте как считаете нужным, – предложил Анатолий. – У отца были сберкнижки или какие-то счета в банках?

– Сберкнижка была, – вспомнила мать, – она у нас в шкафу под бельем. Сейчас принесу. Но только там не должно быть много денег. Откуда у него деньги, он ведь был пенсионером.

Она прошла в спальную комнату и вынесла оттуда шкапу, в которой они обычно хранили все документы. Достала сберкнижку, протягивая ее сыну. Тот полистал страницы. Последняя запись. На счету отца было шесть тысяч восьмисот рублей с копейками. Не так густо, учитывая уровень инфляции. Совсем негусто, подумал Анатолий.

– Мама, – неожиданно даже для самого себя сказал Анатолий, – может, тебе лучше переехать ко мне в Москву?

– Нет, – ответила мать, – мне будет лучше здесь, в Киеве. Я уже привыкла к такой жизни. Все последние месяцы папа пропадал на даче, и я жила здесь одна. Нет-нет, будет лучше, если я здесь останусь.

– Как хочешь, – сразу согласился сын.

Неожиданно раздался громкий телефонный звонок. Они вздрогнули. Анатолий подошел к аппарату, снял трубку.

– Слушаю вас, – привычно произнес он.

– Добрый вечер, – сказал незнакомый голос, – можно позвать к телефону Андрея Алексеевича?

– Н-нет, – ответил Анатолий, – его нет. Простите, кто спрашивает?

– Это его знакомый, – ответил незнакомец. – А когда он будет дома?

– Боюсь, что уже никогда, – честно ответил сын.

– Простите, я вас не понял.

– Он погиб. Его похоронили сегодня днем, – сообщил Анатолий.

Собеседник молчал.

– Вы меня слышите? – спросил Анатолий.

– Как это произошло? – Позвонивший был не просто расстроен. Он был, очевидно, опечален и взволнован.

– Его сбила машина, – пояснил Анатолий, – и через день он умер.

– Кто именно сбил, уже нашли? – почему-то спросил незнакомец.

– Нет, к сожалению, не нашли.

– Как это случилось? – не успокаивался позвонивший.

– Его сбила машина, когда он вышел на улицу, – начиная раздражаться, пояснил Анатолий, – извините, я сейчас не в состоянии разговаривать.

– Да, я вас понимаю. Примите мои глубокие соболезнования. Конечно, вы не можете говорить. Может, я могу чем-то вам помочь?

– Спасибо. Мы все сделаем сами. Извините меня и до свидания.

Он повесил трубку. Этот незнакомец явно переживал по поводу случившегося. Возможно, кто-то из бывших сослуживцев отца или из его сотрудников. Анатолий закрыл глаза. Как все глупо получилось! Кто мог подумать, что ветеран войны, имевший три ордена Славы и два ранения, неожиданно погибнет под колесами дикого лихача? Кто мог об этом даже подумать...

– Кто это звонил? – поинтересовалась мать.

– Какой-то знакомый отца, – пояснил сын.

Он не мог и предположить, чем обернется для их семьи этот телефонный звонок и какие события последуют сразу за этим днем.

Глава 2

Оформивший отпуск на одну неделю, Анатолий оставался в Киеве еще несколько дней, во время которых и произошли основные события в его жизни. На следующий день снова раздался телефонный звонок. Мать была в таком состоянии, что не могла отвечать на эти звонки, и Анатолий привычно взял трубку.

– Здравствуйте, – услышал он совсем другой голос, – вы не могли бы мне сказать, что именно произошло с Андреем Алексеевичем?

– Он погиб, – сдержанно ответил Анатолий, – вчера были похороны.

– Как это произошло? – Позвонивший не выразил соболезнования, даже не удивился. Его, кажется, только интересовало, каким образом погиб Гудниченко-старший, как будто это было самое важное, что ему следовало узнать. Анатолий нахмурился.

– Его сбила машина. Извините, я не могу сейчас разговаривать.

– Подожди, – прохрипел позвонивший, – как это – сбила машина? Кто его сбил, вы узнали?

– Нет, машину пока не нашли.

– Когда и где это случилось?

– Какая разница, – поморщился Анатолий, – отца мы все

равно не вернем. До свидания.

– Подожди, – снова сказал неизвестный, – ты кем ему приходишься?

– Я его сын.

– Тогда понятно. Он ничего не сказал тебе перед смертью?

– Ничего. До свидания.

Анатолий повесил трубку. Бесцеремонность звонившего его разозлила. Снова раздался телефонный звонок. Анатолий снял трубку.

– Может, он что-то просил передать для своих друзей? – раздался тот же голос. – Спроси у своей матери.

– Он ничего не сказал, – нервно произнес Анатолий, – и не нужно больше сюда звонить. У нас и так большое горе, а вас, кажется, интересуют только свои личные дела.

Он бросил трубку.

– Кто это звонит? – поинтересовалась мать из другой комнаты.

– Какой-то ненормальный, – зло ответил Анатолий.

В этот день больше никаких неожиданных телефонных звонков не было. А на следующий день позвонила испуганная соседка по даче. Она была вдовой генерала, Героя Советского Союза. Эти два участка Гудниченко и генерал Палийчук получили еще в конце шестидесятых как ветераны войны. Палийчук построил на своем участке добротный двухэтажный особняк, а Гудниченко – гораздо более скромный домик, в котором были две комнаты и небольшая кухня. Уже

позже, будучи заместителем министра, когда дети уже выросли, он пристроил к дому еще одну комнату, которая стала его кабинетом и спальней. Дача была скромной, небольшой, но участок замечательный. Отец любил ухаживать за землей и потратил много сил, чтобы все здесь было ухожено и обработано. Вокруг дома росли яблоневые деревья, привившиеся здесь еще в семидесятые, и множество кустов крыжовника.

Две дачи разделяла лишь символическая ограда из проволоки. Да и вообще в те времена не строили высоких каменных заборов. Соседка жила на даче после смерти своего мужа вместе с двумя собаками и домработницей. Ее сыновья часто навещали мать. У них было уже четверо взрослых девочек, которые, едва появившись на даче, устраивали такой шум, что об их прибытии сразу узнавали соседи. Эта была замечательная и дружная семья. Екатерина Палийчук не смогла приехать на похороны из-за своего высокого давления, но оба сына пришли на кладбище, чтобы проводить в последний путь соседа и друга своего отца.

– Доброе утро, – сказала соседка, и Анатолий не сразу узнал ее голос, – извините, что позвонила так рано утром.

– Кто это говорит? – не понял он.

– Это ваша соседка по даче. Тетя Катя Палийчук. Вы меня не узнали, Анатолий?

– Здравствуйте, тетя Катя, – улыбнулся Анатолий. – Как вы себя чувствуете? Ваши сыновья говорили, что у вас высокое давление.

– Да, иногда просто кружится голова. Но я позвонила не поэтому. Ты знаешь, Толик, я вчера почти не спала всю ночь. И поднималась наверх, на второй этаж. Я ведь сейчас редко наверх поднимаюсь, там комнаты для моих внучек, а мою спальню перенесли на первый этаж, чтобы я туда не ходила.

– Я об этом слышал. – Он подумал, что сейчас пойдут обычные старческие разговоры о собственных болячках. Но он ошибался.

– Ночью я туда поднялась. Фаина уже спала. Ты помнишь Фаину, нашу домработницу?

– Конечно, помню. Ей, наверное, уже сто лет.

– Да нет. Она младше меня на два года. Так вот, я поднялась наверх и случайно посмотрела в сторону вашей дачи. И ты не поверишь! Я увидела, как горит свет в окнах вашего дома. Я подумала, что вы решили сюда приехать поздно ночью по своим делам, и решила вас не беспокоить.

– Никто из нас на дачу ночью не ездил, – ответил Анатолий, – вам, видимо, показалось, что там горит свет.

– Нет-нет! Я видела. А потом рано утром мы услышали шум. Я снова поднялась наверх. На вашем участке стояли сразу три машины. Такие, какие у нашего Петра...

– «Волги», – уточнил Анатолий.

– Да-да, «Волги». Две белые и одна черная. Я еще подумала, что ты приехал сюда со своими друзьями. Решила тебе позвонить. Но ваш телефон на даче не отвечал. Ты можешь себе представить такое? Я вижу, как на вашем участке сто-

ят три машины, значит, много людей в доме, а телефон не отвечает.

– Сразу три машины приехали? – весело спросил Анатолий. Он все еще не придавал никакого значения этому телефонному звонку. В конце концов, что можно было украсть у них на даче? Старую мебель. Садовый инвентарь. Самой большой ценностью в доме были книги, которые находились в кабинете отца, но воры не станут приезжать сразу на трех машинах, чтобы их украсть. Да и книги были обычные, не раритеты. Что еще? Одежда, белье, посуда. Там не могло быть ничего ценного.

– Я долго звонила, – призналась испуганная соседка, – а потом мы увидели, как они уезжают. Примерно минут тридцать назад. Все три машины развернулись, чтобы отъехать. И одна наша собачка случайно в это время перешла на вашу сторону. Ты знаешь, я всегда следила за нашими собачками. Твой отец не любил, когда они лазили на ваш участок. Но она там случайно оказалась. Это был Джульбарс, наша немецкая овчарка. Такая умная собачка.

– Понятно, понятно. – Ему надоело слушать эти бредни о приехавших машинах, о залезшей на чужой участок собаке.

– И они уехали, а моя собачка не вернулась домой, – выдохнула тетя Катя.

– Она еще придет, – успокоил ее Анатолий. – И это все, что вы хотели мне сказать?

– Нет, не придет, – прервала его тетя Катя, – Джульбарса

убили.

– Что?

– Вторая собачка нашла рядом с воротами. Можешь себе представить, нашего Джульбарса кто-то застрелил. Но честное слово, мы не слышали никаких выстрелов. Как такое может быть, я не понимаю. Фаина говорит, что в собачку стреляли пять или шесть раз. Можешь себе представить такой ужас? Бедное животное. Пять или шесть раз. А мы ничего не слышали. Я сразу позвонила сыновьям, они сейчас едут к нам. Но Петя сказал, чтобы я позвонила и вам тоже.

Петр Палийчук был старшим сыном вдовы генерала. Он работал в военной прокуратуре, был советником юстиции.

– Убили вашу собаку? – растерянно произнес Анатолий. Это были уже не шутки. В собаку выстрелили пять или шесть раз. – И вы ничего не слышали? – спросил он.

– Ничего. И Фаина тоже ничего не слышала, а у нее слух такой хороший. Петр сказал, чтобы мы ничего не трогали. Он скоро будет. Может, тебе тоже лучше сюда приехать?

– Я сейчас приеду, – сразу решил Анатолий.

Он бросил трубку, начал одеваться.

– Мама, – крикнул он, обращаясь к матери, – где машина отца?

– В гараже, – удивилась она, – ключи в правом ящике серванта. Где обычно. Что случилось?

– Звонила тетя Катя Палийчук.

– Бедная женщина, у нее такое давление...

– При чем тут давление! Она говорит, что ночью неизвестные воры влезли на нашу дачу. Ты вспомни, может, отец хранил там что-то ценное.

– Ничего ценного там не было, – грустно улыбнулась мать, – мы вообще всегда жили очень скромно. Ты ведь знаешь. Что у нас могло быть на даче? Хотя нет. Я оставила там Олесины часы. Помнишь ее детские часики? Они оставались на даче. И деньги там были. Сорок рублей.

– Господи, я не про это спрашиваю, – разозлился Анатолий, – из-за сорока рублей никто не станет лезть в чужой дом. Тетя Катя говорит, что приехали сразу три машины с чужими людьми. Они всю ночь что-то искали. А потом уехали, застрелив ее собаку Джульбарса, ты его должна помнить. Такая умная овчарка была.

– Что ты такое говоришь? – испугалась мать. – Как это застрелили? Убили ее собаку? Какие звери! Разве такое возможно?

– Видимо, возможно. Она позвонила своим сыновьям, те сейчас приедут на дачу. Я тоже туда поеду.

– Нужно вызвать милицию, – посоветовала мать.

– Это мы решим на месте. Из-за убитой собаки милицию вызывать не стоит. Нужно сначала посмотреть, что у нас пропало.

– Может, я с тобой поеду?

– Нет. Сейчас нет. Сначала я сам там все осмотрю. А потом пусть туда приедет Олеся. Хотя нет, ей тоже туда не нуж-

но. Найдите Степана. Он адвокат, как раз нужны будут его советы. Пусть срочно едет на дачу.

– Я сейчас позвоню Олесе, – кивнула испуганная мать, – а может, и тебе лучше пока туда не ехать?

– Господи, мама, что ты такое говоришь! Там уже никого нет. И сейчас туда приедут ребята тети Кати. Ты забыла, что Петр работает в военной прокуратуре? Если понадобится, он сам вызовет милицию. Или позвонит в прокуратуру. Ты лучше найди срочно Степана, пусть едет на дачу.

Он надел куртку, забрал ключи и выбежал из квартиры. Гараж находился за домом, в соседнем переулке. Здесь разрешали строить гаражи только ветеранам войны и фронтовикам. Но как это обычно бывает, среди ветеранов оказалось много торговых работников. Некоторые перекупали гаражи у заслуженных фронтовиков или у их семей, некоторые просто давали взятки чиновникам. Анатолий подбежал к воротам гаража и замер в недоумении. Замок был словно перекушен, и дверца гаража полуоткрыта.

– Угнали машину, – испугался он, открывая двери. Но бежевая «Волга» его отца – старенький «ГАЗ-21» – стояла в гараже. Правда, она была в ужасном состоянии. Кто-то изуродовал машину до неузнаваемости. Вспорол сиденья, перевернул все инструменты, проколол все шины. Словно здесь поработала толпа варваров. Анатолий смотрел на автомобиль, не понимая, что произошло.

– Кто это мог сделать? – недоумевал он. – Неужели у от-

да были такие враги? И зачем нужно было так портить его автомобиль?

Он вышел из гаража, прикрыл двери. Достал ключи. Замок работал. Если висячий замок был перекушен, то этот замок на дверях просто открыли чужим ключом. Интересно, кто это мог быть? Он закрыл дверцу, вышел из переулка. Интересная ситуация... Сначала эти непонятные телефонные звонки, потом кто-то влезает к ним на дачу, всю ночь что-то ищет, а под утро уезжает, застрелив соседскую собаку. И, наконец, влезает к ним в гараж, чтобы обыскать машину. Что они ищут? Что им вообще нужно?

Он остановил такси и попросил отвезти его за город. Предприимчивый таксист сразу запросил две цены. Пока машина неслась в сторону пригородов, Анатолий напряженно размышлял. Судя по всему, тетя Катя не ошиблась. И кто-то всерьез решил заняться их семьей. Но почему? Зачем? Отец был обычным пенсионером, жил в последние годы на даче, не имел личных врагов, вообще почти ни с кем не общался. Может, перепутали? Но тогда зачем так изуродовали машину отца? Ничего не понятно. Дорога на дачу занимала около сорока минут. На этот раз ему показалось, что прошло гораздо больше времени.

Когда такси подъехало к их участку, там уже стояли два автомобиля. Это была служебная «Волга» Петра Палийчука и «Жигули» его младшего брата – Семена. Анатолий расплатился с водителем и вылез из машины. Сначала он решил

постучаться к соседям, но ворота у них были раскрыты. Он вошел на соседский участок, увидев, как к нему спешит пожилая женщина.

– Здравствуй, Толик, – приветливо сказала она. Это была Фаина, домработница семьи Палийчук. Она жила здесь уже почти четверть века и знала Анатолия еще ребенком.

– Добрый день, – вежливо поздоровался он. – А где ребята? Их машины здесь, а самих я не вижу.

– Они на вашей даче, – показала Фаина. – Мы сначала так испугались. Ну кто мог подумать, что они застрелят нашего песика. А он такой умный, такой понимающий пес. Чужих никогда не пропускал, всегда первым шум поднимал. А здесь не успел... Они его сразу и убили...

Анатолий, уже не слушая ее, пошел в сторону своей дачи, перелез через проволоку. На участке, рядом с большим деревом, лежал труп собаки. Достаточно было посмотреть на этот истерзанный труп, чтобы понять степень бешенства человека, который убивал животное. В нее разрядили всю обойму. Рядом стояли трое мужчин. Два сына тети Кати и молодой человек, очевидно, водитель Петра. Увидев подходящего Анатолия, все трое подняли головы.

– Добрый день, – поздоровался Анатолий. – Что здесь происходит?

– Не такой добрый, – мрачно ответил Петр. Он походил на отца – мощный, широкоплечий, коренастый, среднего роста. Младший, Семен, пошел в мать. У него были гораздо более

тонкие черты лица, и он был выше старшего брата на целую голову. Они пожали друг другу руки.

– Убили нашу собаку, – сказал Семен, хотя и так все было понятно.

– Но почему? – спросил Анатолий.

– Они приехали к вам и что-то искали, – пояснил Петр, – здесь видны следы нескольких машин. Мать говорит, что было три машины. А когда уезжали, видимо, очень нервничали. Вот кто-то из них и сорвал свою злость на нашей собаке. Посмотри, что они сделали. Они выпустил в нее целую обойму.

– А твоя мать говорит, что они не слышали выстрелов, – напомнил Анатолий.

– Поэтому и не слышали, – хмуро пояснил Петр, – видимо, стреляли из пистолета с глушителем. У вас ночью на даче были не обычные воры. Те, которые имеют такое оружие и могут позволить себе приезжать сразу на трех машинах. Ты не знаешь, у твоего отца могли быть такие знакомые?

Глава 3

Анатолий пожал плечами. Ему даже в голову не могло прийти, что подобное произошло с его семьей.

– Тебе лучше пройти в дом и все самому осмотреть, – предложил Петр, – а потом мы решим, что нам нужно делать. Если хочешь, мы пойдем с тобой. Судя по всему, они здесь что-то искали. В двух местах даже перекопали землю.

– Давай вместе, – предложил Анатолий, – я, конечно, не боюсь, но после вашей собаки мне как-то не по себе.

Они прошли к дому. Замок был сломан, а дверь открыта. Анатолий осторожно вошел в дом, словно опасаясь, что на него кто-то бросится. Повсюду царил беспорядок. Вещи были разбросаны, в двух местах сломан даже пол, в кабинете отца перевернуты все шкафы, пробиты стены и полы. Непрошенные визитеры даже отвинтили батарею, в небольшой ванной комнате умудрились вытащить со своего места водонагреватель, сорвали в нескольких местах кафель. Следы разгрома царили повсюду. Анатолий обошел комнаты и, махнув рукой, вышел из дома. За ним двинулись братья Палийчук.

– Нужно вызвать милицию, – предложил Петр, – и пусть сюда приедет кто-то из ваших. Мать или Олеся. Может, даже Степан. Они здесь часто бывали у твоего старика, возможно, знают, какие вещи отсюда пропали. Хотя... – он оглянулся на собаку, рядом с которой остался его водитель, – если бы

они нашли то, что искали, то не стали бы убивать собаку. Видимо, не нашли и всю злость выместили на нашем псе. Тогда вопрос: что они здесь искали? Судя по всему, это люди серьезные.

– Я сам ничего не понимаю, – растерянно признался Анатолий, – сначала смерть отца, а потом вот этот нелепый грабеж. У нас на даче не было особых ценностей. Ты ведь сам все хорошо знаешь. Отец всегда жил очень скромно, семья существовала на его пенсию и учительскую зарплату моей мамы. Они мне даже денег почти никогда не пересылали в Москву, когда я там учился. Редко отец приезжал и давал мне пятьдесят рублей, которые я тратил вскоре после его отъезда.

– И ты никого не подозреваешь?

– Абсолютно никого. Но вот что странно. Нам несколько дней звонят какие-то неизвестные люди и, не представляясь, спрашивают, как именно погиб отец. А сегодня кто-то залез в наш гараж и изуродовал старую машину отца. Такое ощущение, что за нами охотится какой-то маньяк.

– Это не маньяк, – рассудительно ответил Петр, – маньяк бывает всегда один. Он не ездит на трех машинах и не стреляет в собак из пистолета с глушителем. Это кто-то другой. Если бы приехали только на вашу дачу, то я бы мог подумать, что произошла обычная ошибка. Но если полезли и в ваш гараж, значит, они знали точно, к кому и зачем пришли. Я сейчас позвоню в местный райотдел милиции. Пусть при-

шлют сюда своих сотрудников, они все проверят на месте. У вас телефон в доме работает?

– Черт его знает, что там работает, – пробормотал Анатолий.

Петр повернулся и пошел обратно в дом. Семен достал сигареты, протянул их Анатолию.

– Спасибо, – покачал головой, – не курю.

– Правильно делаешь, – согласился Семен, – а я никак не могу бросить эту дурацкую привычку. Как у тебя дела в Москве? Я слышал, что ты уже стал большим начальником!..

Семен работал в системе агропрома, занимался поставками оборудования. Ему было уже под сорок (на четыре года младше брата). Несколько лет назад он развелся и теперь жил один в своей кооперативной квартире на Крещатике.

– Каким начальником... – отмахнулся Анатолий. – Просто руководитель одного из отделов Минфина. Пошел, так сказать, по папиным стопам. И отдел у меня небольшой. Только шесть человек.

– Все равно, – с уважением произнес Семен, – в твоем возрасте уже начальник отдела Министерства финансов такой страны! Ты у нас молодец, Толик. А отец с тобой ни о чем не говорил? Может, он тебе рассказывал о каких-то ценностях, которые спрятаны на даче или в гараже?

– Ты же знаешь нашу семью, Семен, – усмехнулся Анатолий. – Какие ценности могли быть у моего отца? Только его три ордена Славы. Он был бессребреник. И на работе нико-

гда взятки не брал, об этом все знали. До сих пор некоторые старые сотрудники вспоминают, как он работал. Это просто какое-то идиотское недоразумение.

Из дома вышел старший брат.

– Телефон работает, – сообщил Петр. – Я уже позвонил в милицию. Они сейчас приедут. Ничего здесь не трогайте, возможно, остались отпечатки пальцев. Заодно пусть отправят и труп нашего Джульбарса на экспертизу. Достанут все пули и проверят, где мог «засветиться» этот пистолет.

– Ты сразу как прокурор начал свое расследование, – усмехнулся Семен.

– Слишком серьезное дело, – отрезал старший брат, – нужно все тщательно проверить.

У ворот раздался сигнал автомобиля. Водитель Палийчука бросился открывать ворота. Они увидели въезжавшие синие «Жигули» Степана, мужа Олеси. Он остановил автомобиль, вышел из машины, пожимая всем руки. Степан был худощавым высоким парнем, всего на полгода старше Олеси. Анатолию он никогда не нравился. На его взгляд, Степан был несколько суетлив и не очень серьезен. Да к тому же чересчур расчетлив и циничен даже для обычного киевского адвоката. Но на похоронах своего тестя он неожиданно расплакался, и Анатолий проникся к нему некоторой симпатией. Однако своих мыслей он никому не высказывал, предпочитая не вмешиваться в личную жизнь Олеси.

– Что случилось? – спросил Степан. – Мне позвонила

Олеся, говорит, чтобы я срочно ехал на дачу. Сказала про какую-то убитую собаку. Я ничего не понял.

– Убили нашу собаку, – показал в сторону погибшего пса Петр Палийчук. – Сначала они обыскали ваш дом, а затем, уезжая, пристрелили нашу собаку, которая случайно оказалась у них на пути. Хорошо, что мама или Фаина к ним не вышли. Боюсь, что эти серьезные люди не стали бы церемониться и с нашими женщинами.

– Кто это был? – почему-то шепотом уточнил Степан.

– Откуда я знаю? – зло пожал плечами Петр. – Сегодня нужно будет забрать маму и Фаину в город. Им нельзя здесь пока оставаться. Эти незваные визитеры могут вернуться и снова начать свои поиски. Я уже вызвал милицию. Ты здесь часто бывал, Степан, войди в дом и посмотри, что там могло пропасть.

– Да, конечно. А вы там были?

– Мы уже все посмотрели, – кивнул Петр, – но мы же не знаем, исчезли ли какие-нибудь ценные вещи.

Степан растерянно кивнул головой и медленно прошел к дому, замер перед дверью, словно не решаясь войти. Затем все-таки перешагнул через порог.

– Может, у твоего отца были долги? – предположил Петр. – Хотя откуда у него долги...

– На его книжке почти семь тысяч рублей, – вспомнил Анатолий. – Нет, у него долгов никогда не было. Он всегда говорил мне, что это самое худшее, что может быть в жиз-

ни человека, – брать в долг у другого. «Долги портят дружбу», – как-то сказал он матери, когда ее брат хотел занять у нас тысячу рублей. Он тогда так и не дал денег, мать сняла со своей сберкнижки и отдала своему брату. Кажется все, что у нее было – восемьсот тридцать два рубля. Я так точно помню, потому что мой дядя этих денег не вернул. Отдельвался шутками, что, мол, жене финансиста деньги не нужны. А мать стеснялась настаивать. Для начала семидесятых это была очень большая сумма. Так что отец оказался прав. Странно, что я сейчас об этом вспомнил. Это было так давно...

– А если искали его награды? Допустим, узнали, что он был полным кавалером орденов Славы. Сейчас на черном рынке такие награды стоят немало, – выдвинул следующее предположение Петр. Он все время искал разумное объяснение неразумным действиям неизвестных грабителей.

– Награды хранятся у нас дома, – возразил Анатолий, – они никогда не были на даче. И вообще все ордена висят на мундире моего отца. Кто хранит ордена на даче? Разве «геройская звезда» вашего отца находится у вас здесь?

– Она в музее, – ответил Семен, – мы ее туда сдали вместе со всеми другими орденами.

– У нашего и было только несколько орденов, – вспомнил Анатолий, – а не такой иноностаc, как у вашего. Не забывайте, что ваш отец был генералом, а мой – обычным пехотинцем и закончил войну старшиной. Соответственно и наград у него гораздо меньше.

– И все-таки, что именно они искали? – задумчиво спросил Петр. – Почему они так нервничали, почему обшарили все вокруг и даже перекопали землю в двух местах? При чем они находились тут достаточно долгое время. Мать говорит, что увидела их еще ночью, когда на часах было около двух. А потом они оставались здесь до самого утра. Три машины. На глазах у всех остальных соседей. Не боялись, что могут приехать хозяева или кто-нибудь из посторонних. Значит, были уверены, что здесь никто не появится и никто им не мешает. Как странно...

– Наглые типы, – согласился Семен, – есть такие беспредельщики. У нас в Полтаве была одна бригада «шабашников», которая...

– Подожди, – прервал его старший брат, – про эту бригаду потом расскажешь. Нужно понять, что им было нужно. Если бы на этой даче жил какой-нибудь цеховик или бандит, то тогда я бы все понял. Но вашего папу я знаю с самого детства, видел, как вы живете, часто дома у вас бывал. Ничего не понимаю...

– А вдруг у него были свои секреты? – рассудительно сказал Семен. – У каждого человека есть свои секреты. Откуда ты мог все знать? Если ты приходил сюда иногда, это не значит, что ты знал все секреты Андрея Алексеевича.

Из дома вышел Степан. Он был явно расстроен. Уселся на стул, валявшийся рядом с домом. Усталое посмотрел на остальных.

– Ничего там не было, – сказал он, – и ничего быть не могло. В серванте деньги хранили. Так они там еще и лежат. Сто сорок рублей.

– А мне мама сказала, что только сорок, – вспомнил Анатолий.

– Сто сорок рублей, – подтвердил Степан, – их даже не тронули. Хотя нет. Одну бумажку в двадцать пять рублей кто-то разорвал пополам, видимо, очень нервничал. Остальные лежат там. Их не взяли.

– Просто Робин Гуды какие-то. Даже деньги не взяли, – пробормотал Петр, – час от часу не легче. Неужели и деньги им тоже не были нужны?

Он не успел договорить, когда к дому подъехали сразу две машины милиции. Несколько сотрудников в форме выскочили из обоих автомобилей. Возглавлявший группу капитан подбежал к Петру. Очевидно, ему уже сообщили, что здесь находится военный прокурор.

– Добрый день, товарищ Палийчук, – поздоровался капитан, – прибыли по вашему вызову. Сейчас приедет наш районный прокурор. Он приказал нам срочно приехать, сказал, что здесь убили вашу собаку и ограбили соседний дом.

– Судя по всему, это только взлом. Грабежа не было, – сказал Петр, показывая на дом.

– Проверим, – кивнул капитан, делая отмашку своей группе.

– Значит, они искали у вас на даче и в гараже, – задумчиво

произнес Петр. – А домой они к вам не приходили?

– Нет, – поднял голову Анатолий, – никто не приходил.

– А если придут? – неожиданно спросил Петр. – Ты об этом подумал? Если они уже обыскали вашу дачу и ваш гараж, значит, должны теперь побывать и у вас дома.

– Черт возьми! – Анатолий бросился в дом, чтобы позвонить. Нашел телефон, набрал дрожащими руками номер. Он тяжело дышал, умоляя мать поднять трубку, но никто не отвечал на его звонки. Он услышал шаги за спиной. В комнату вошел Петр.

– Она одна дома? – спросил Палийчук.

– Да, – выдохнул Анатолий, не поворачиваясь, – но она не отвечает на телефонные звонки. Чувствует себя совсем плохо. Черт побери, я даже не подумал, что они могут появиться и у нас дома.

– Нужно срочно возвращаться в город, – твердо решил Петр, – возьмем машину милиции и вместе с ребятами поедem туда. Нельзя терять время. Я сейчас попрошу их поехать вместе с нами.

Через минуту милицейский «уазик», в котором находились двое сотрудников милиции, Петр Палийчук и Анатолий, уже направлялся в сторону города. По милицейской радиации старший лейтенант, который поехал с ними, связался с оперативным дежурным по городскому УВД, сообщил ему домашний адрес семьи Гудниченко и попросил выслать оперативную группу.

– Никогда себе этого не прощу... – прошептал Анатолий. – Как я мог оставить ее одну! Какая глупость! Как я об этом не подумал! Они наверняка следили и за нашей квартирой. Едва я оттуда уехал, они могли сразу войти к нам домой. Господи, прошло уже около двух часов. Даже страшно подумать, что там могло случиться...

Они уже въехали в город, когда дежурный сообщил, что оперативная группа прибыла на место. Затянувшееся молчание в следующую минуту стало просто невыносимым. Наконец дежурный сообщил, что сотрудники оперативной группы стоят за закрытой дверью. Они звонят в дверь и стучат, но им никто не открывает. И судя по всему, дома никого нет.

– Как это нет? – взорвался Анатолий. – Она должна быть дома. Пусть стучат сильнее!

– Успокойся, – посоветовал Петр, – не нужно так нервничать. Может быть, она легла спать.

– Днем? Пусть ломают дверь! – закричал Анатолий. – Пусть ломают дверь! Скажите, что я им разрешил.

Старший лейтенант передал его просьбу оперативной группе. Еще через две минуты они услышали голос дежурного, который сообщил, что оперативной группе разрешили сломать замок и войти в квартиру. Машина неслась к дому. До него оставалось совсем немного, буквально два квартала, когда снова раздался голос дежурного.

– В квартире никого нет, – сообщил он.

– Как это нет?! – заорал Анатолий. – Она не могла выйти

из дома. Пусть они ее найдут! Куда она могла исчезнуть?

– В квартире никого нет, – упрямо повторил дежурный, – наша группа все проверила. Там никого нет.

– Господи. Это уже сумасшедший дом... – выдохнул Анатолий. – Давайте быстрее, – попросил он водителя-сержанта.

Через несколько минут они были уже на месте. Анатолий выскочил из машины и побежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, как когда-то делал в детстве. Он поднялся на третий этаж, вбежал в квартиру. Здесь находилось несколько сотрудников милиции. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – здесь уже успели побывать чужие. Все было перевернуто – в доме явно что-то искали. Анатолий растерянно прошел мимо открытых шкафов и сервантов. Но матери нигде не было. Следом за ним в квартиру поднялся Петр Палийчук. Он подошел к Анатолию.

– Успокойся, – твердо сказал он, – постарайся держать себя в руках. Мы должны понять, кому это выгодно. Наверняка она еще жива, если они не оставили ее здесь. Успокойся, и мы подумаем, что нам делать.

Глава 4

Анатолий прошел на кухню, опустошенно опустился на стул. Только этого им не хватало! Мать была в таком состоянии после смерти отца, а теперь ее похитили. Что он скажет Олесе? Как объяснит свой дурацкий промах? Раздался телефонный звонок. Петр подошел к телефону, снял трубку.

– Да-да, – быстро сказал он, – мы уже здесь. Можешь приехать прямо сейчас. Конечно. Мы уже на месте.

Он положил трубку.

– Это был Степан, – пояснил он и, уже обращаясь к сотрудникам милиции, предложил провести сюда второй, параллельный телефон, чтобы слышать голос того, кто обязательно должен был позвонить.

Руководитель оперативной группы майор Загребин был опытным сотрудником. Он сразу понял, что именно произошло. Очевидно, неизвестные грабители проникли в квартиру, сумев открыть замок отмычкой, все обыскали, похитили пожилую женщину и скрылись с места происшествия. Узнав о том, что грабители уже успели побывать на даче и в гараже семьи Гудниченко, он сразу перезвонил в УВД и сказал, чтобы прислали необходимую аппаратуру и еще двух сотрудников из центрального аппарата городского управления. Все напряженно ждали телефонного звонка. На станцию было дано указание сразу зафиксировать место, откуда позвонят,

тогда готовая к выезду оперативная группа могла бы немедленно отправиться по указанному адресу. Анатолий кусал губы от нетерпения. Петр ходил по комнатам, не замечая никого вокруг. Прибывший Степан уселся в углу, нервно постукивая пальцами по подоконнику.

Во втором часу дня в дверь позвонили. Все изумленно переглянулись. Неужели бандиты решили таким образом выйти на переговоры? Сотрудники милиции достали оружие. Кто-то подошел к входной двери, посмотрел в «глазок». Там стояла девочка лет десяти. Офицер убрал оружие и открыл дверь.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась девочка. – А дядю Толика можно позвать?

– Конечно, – весело ответил офицер, – а ты откуда такая взялась?

– Я со второго этажа, – ответила девочка, – мне нужен дядя Толик.

– Анатолий Андреевич, – позвал офицер хозяина квартиры, – вас здесь спрашивают. А как тебя зовут, девочка?

– Маша. И учусь я уже в четвертом классе, – победно сказала девочка.

Анатолий вышел к соседке. Он знал эту девочку. Она была внучкой их соседки снизу, участкового врача, которая курировала и их семью.

– Здравствуй, Маша, – кивнул он. – Зачем я тебе понадобился?

– Вас зовут к телефону, – пояснила девочка.

– Что ты сказала? – Он даже растерялся от неожиданности.

– Вас зовут к телефону, – пояснила Маша, – к нам позвонили и попросили позвать вас к телефону. Сказали, что не могут перезвонить. У них только одна монетка. Просят, чтобы вы подошли к телефону. Бабушка послала меня за вами.

Анатолий взглянул на стоявших рядом людей. Петр покачал головой.

– Одна монетка, – сказал он с нескрываемым сарказмом. – Здорово умеют придумывать, свол... – он не стал ругаться при девочке, только отвернулся.

– Все вниз! – приказал Загребин. – Работаем по соседскому телефону. Маша, какой у вас номер телефона, ты помнишь?

– Конечно. Я уже взрослая. – Она назвала номер телефона, и Загребин передал его в штаб.

Затем вместе с девочкой они спустились на второй этаж, ввалившись целой толпой в квартиру испуганной соседки. Здесь были и Анатолий, и Петр Палийчук, и майор Загребин, и техник, установивший параллельный аппарат, и даже Степан.

– Вас так много! – ахнула пожилая соседка.

– Не беспокойтесь, – успокоил ее Анатолий, подходя к аппарату.

Он посмотрел на майора Загребина, тот взглянул на тех-

ника, и оба согласно кивнули головой. Анатолий взял трубку. Он уже не сомневался, что сейчас услышит какой-то неизвестный голос, который наконец объяснит ему, что именно здесь происходит.

– Здравствуй, – услышал он. Кажется, это был тот самый незнакомец, который звонил во второй раз. Не очень интеллигентный и глухой, словно простуженный голос. Он его сразу узнал.

– Я слушаю, – произнес он, сдерживая нетерпение.

– Ты, наверное, уже все сам понял, – быстро сказал незнакомец. – Твоя мать у нас. И мы ищем то, что должны найти.

– Ну и ищите. А при чем тут моя мать? У нее слабое сердце, она потеряла мужа, пережила такую трагедию, и тут еще вы... Совесть нужно иметь. Чем вам помешала пожилая женщина?

– Нам ты мешаешь, – сказал незнакомец, – своим глупым упрямством.

– Что вы хотите?

– Отдай то, что у тебя есть. Ты ведь должен понимать, что это не твое. Ты ведь тоже финансист.

– У меня ничего нет, придурки, вы ошиблись адресом. Не на тех напали.

– Отдай, – упрямо повторил незнакомец, – у тебя срок до вечера. Позвони и скажи, где лежит, мы сами возьмем.

– Алло. Кому позвонить?

– Своей соседке. Вот на этот телефон. Мы ей сами пере-

звоним. Вечером. После семи. До свидания.

Говоривший повесил трубку. Загребин обернулся к ним.

– Оперативная группа уже выехала к месту, откуда звонили, – сообщил он не очень бодрым голосом.

– Они не успеют, – сказал Петр Палийчук, – эти ребята не дураки. Если позвонили соседям, значит, просчитали возможность того, что их будут прослушивать, определять место их нахождения и искать по указанному телефону. Наверняка их уже там нет. Что он тебе сказал?

– Чтобы я отдал то, что у меня есть. Но у меня ничего нет. Я вообще не понимаю, о чем они говорят. Как я могу отдать то, что не имею?

– Он не объяснил, что именно?

– Только твердил как попугай: «Отдай». Ничего не понимаю. Что они хотят? Шесть тысяч восемьсот рублей со сберкнижки моего погибшего отца? Или что-то еще? Но у нас никогда не было никаких ценностей. Ни антиквариата, ни бриллиантов. У мамы были только недорогие серьги, которые отец подарил ей к десятилетию свадьбы. И два кольца. Обручальное и с маленьким бриллиантом.

– Если ищут с таким остервенением, что готовы украсть пожилую женщину, пристрелить собаку и звонить, несмотря на опасность быть арестованными, значит, эта вещь им очень нужна, – предположил майор Загребин. – И, судя по «почерку», это ребята высшей квалификации, не обычные грабители. Они бы не стали звонить соседке.

– Что мне делать? – упавшим голосом спросил Анатолий.

– Думать, – посоветовал Петр, – ты должен сидеть и думать, что именно им от тебя нужно и где это может быть спрятано. Вспомни, может быть, отец тебе о чем-то таком говорил. Или намекал. Может быть, у него осталась какая-то вещь, привезенная после войны. Такое возможно?

– Нет, – ответил Анатолий, – отца арестовали в сорок восьмом, и все его вещи тогда конфисковали. Из квартиры их выселили. Моя бабушка и младший брат отца переехали совсем в другой район. В Чекаловку. Там они и жили восемь лет, пока отец не вернулся. Сначала он с ними поселился в их двухкомнатной избушке, а потом получил одокомнатную квартиру как реабилитированный ветеран. Бабушка умерла еще в шестьдесят девятом, а дядя совсем недавно. Когда отца арестовали, его младший брат пошел работать, в четырнадцать лет. На завод. Тогда не очень соблюдали правила санитарной гигиены. Время после войны, мужчин не хватало. У них с отцом была разница в восемь лет. В сорок восьмом ему было четырнадцать, – повторил Анатолий, – а в пятьдесят он уже стал инвалидом. У него были больные почки и больные легкие. Мы иногда к нему ездили, когда я еще учился в школе. Дядя жил очень бедно, и мой отец ему всегда помогал. Дядя умер полтора года назад, не дотянув до шестидесяти. Я тогда был у него дома. Абсолютная и беспросветная нищета. Нет, у моего отца никогда не было никакого имущества.

Они вышли из соседской квартиры, поднимаясь наверх.

Анатолий остановился, ударил кулаком по стене.

– Как будто все во сне происходит, – признался он, – не могу понять, как такое вообще могло с нами случиться.

– Нужно взять себя в руки, – посоветовал Петр, – сядем вместе и все продумаем. Нужно понять, что им нужно. Ты бы спросил, чего они хотят.

– Он все твердил «отдай» и ничего не говорил, – раздраженно ответил Анатолий.

– Я бы на твоём месте попытался успокоиться и проанализировать все, что они тебе сказали. Все, что ты узнал. Может быть, ты что-то поймешь. Или вспомнишь. Может быть, есть у вас какой-то семейный секрет, которого ты не знал.

– У нас в семье не могло быть такого секрета, – вздохнул Анатолий.

Они поднялись в квартиру. Следующие несколько часов прошли в мучительных раздумьях. Несколько раз звонил Семен. Приехала Олеся, которая сначала разрыдалась, а потом устроила истерику, требуя вернуть ее мать. Степан с трудом ее успокоил. К вечеру стало ясно, что ничего нового придумать не удастся. Анатолий спустился к соседке, чтобы самому поговорить с неизвестным похитителем, когда тот позвонит. В восьмом часу вечера раздался звонок. Анатолий сам снял трубку.

– Слушаю, – сказал он немного дрогнувшим голосом.

– Ты уже подумал? – спросил все тот же незнакомец.

– Послушайте. Будьте благоразумны. Я не понимаю и не

знаю, что именно вам нужно. У меня ничего нет. Я согласен отдать вам все, что вы скажете, но только скажите, что именно вам нужно. Алло, вы меня слышите?..

– Ты не знаешь?

– Не знаю! – закричал Анатолий. – Клянусь богом, не знаю. Как еще поклясться вам, что у нас ничего нет? Вы ошиблись. Клянусь памятью моего погибшего отца. Нет у нас ничего, что могло бы вас заинтересовать. Скажите, что вам нужно...

На другом конце молчали. Долго молчали. Почти целую минуту. Анатолий даже подумал, что они успели повесить трубку.

– Алло, вы меня слышите? – нервно спросил он.

– Тебе отец ничего не говорил? – уточнил позвонивший.

– Ничего. Ничего не говорил. Я вообще не понимаю, о чем идет речь. Алло, вы слышите?..

Позвонивший повесил трубку. Анатолий едва не бросил аппарат в стену. Он положил трубку и взглянул на стоявших рядом Петра Палийчука и майора Загребина.

– Кажется, они мне не поверили, – глухо произнес он. – Бедная мама. Я убью их, если с ее головы упадет хоть один волосок.

– Сначала их нужно найти, – рассудительно сказал майор Загребин, – только мне непонятно, как они могут так ошибаться. Они ведь уверены, что у вас есть нечто такое, что может их заинтересовать.

– Я бы сейчас все отдал, чтобы вернуть мать, – простонал Анатолий.

Он поднялся и вышел из этой квартиры. Испуганная соседка и ее внучка проводили его долгими взглядами. У себя в квартире он уселся на кухне и вдруг разрыдался. Он не плакал, когда получил известие о трагической аварии с отцом, не плакал, когда хоронил его, не плакал, когда вернулся домой. А сейчас неожиданно заплакал, словно вся накопившаяся боль неожиданно выплеснулась. Здесь было и непонимание того, что происходит. И страх за мать, которую забрали неизвестные подонки. И гнев бессилия, когда он ничем не мог ей помочь. И отчаяние из-за того простого факта, что он просто не понимал, что именно с ними происходит.

Потом он долго сидел, отрешенно глядя в окно. Так прошло около трех часов. Неожиданно в другой комнате раздался шум, слышались чьи-то шаги, радостные восклицания. Он не шевелился. Кто-то вошел в комнату, направляясь к нему. Он закрыл глаза, подготовив себя к самому худшему.

– Толик, – услышал он над собой знакомый голос матери и почувствовал на себе ее руку. Ошибиться было невозможно. Он знал ее руку, знал, как привычно она лохматит его волосы. Анатолий открыл глаза. Рядом с ним стояла его мать. Она как будто похудела за этот день, стала еще более печальной и высохшей. Но она смотрела на сына и улыбалась.

– Мама, – обнял он ее и во второй раз заплакал, – мама, как хорошо, что ты вернулась.

Потом были долгие разговоры с сотрудниками прокуратуры и милиции. Все не могли понять, что именно произошло. С одной стороны, такое упорное преследование семьи Гудниченко, когда грабители шли на любые действия, чтобы добиться своего. А с другой – они отпустили захваченную заложницу, не выставляя никаких условий, не обговорив ничего для собственной выгоды. Никто не мог понять, что именно произошло. Мать тоже не могла ничего внятного объяснить. В доме появились какие-то люди, которые предложили ей проехать в другое место, где ее будут ждать дети. Она собралась и поехала вместе с незнакомцами. Ее держали в какой-то квартире, дважды за день покормили. Затем посадили в машину и привезли домой. Никто у нее ничего не спрашивал.

Оставалось только прийти к выводу, что бандиты действительно ошиблись, приняв погибшего Гудниченко за кого-то другого. Таково было общее мнение сотрудников прокуратуры и милиции. Через два дня Анатолий улетел в Москву – ему нужно было выходить на работу. Он даже не предполагал, что еще через две недели снова вернется в Киев, чтобы сделать самое страшное открытие в своей жизни...

Глава 5

Вернувшись в Москву, он приступил к обычной работе. В эти августовские дни девяносто первого года Минфин лихорадило сильнее, чем все остальные министерства. Сказывались перебои с поступлениями денег, выплатами зарплат, пенсий. Уже начали появляться фальшивые чеченские ави-зо, которые обходились казне в миллионы и миллиарды рублей, когда за ничего не значащие бумажки с печатями приходилось выплачивать реальные деньги. На экономике страны начали сказываться и миллиарды рублей, обналичиваемых через различные кооперативы и частные хозяйства, уже разрешенные в Советском Союзе.

Несмотря на загруженность, Анатолий все время вспоминал происшедшие в Киеве невероятные события. Мать он переселил к Олесе, запретив ей появляться в их прежней квартире. Дачу Степан обещал привести в порядок. Старую машину отца они уже продали, а гараж решено было сдать в аренду соседу, который обещал платить по тридцать долларов в месяц, что для Киева образца девяносто первого года было довольно солидной суммой.

Все эти дни Анатолий пытался анализировать произошедшие события, снова и снова убеждая себя, что случилась невероятная ошибка. Однако он не хотел и не мог верить в такую возможность. Уж слишком настойчиво и уверенно

действовали бандиты, считая, что отец действительно спрятал что-то очень ценное. Анатолий вспоминал своего всегда мрачного отца, вспоминал последние встречи с ним. Отец никогда не говорил с ним ни о наследстве, ни о каких-то тайниках. С одной стороны, он не был человеком, склонным к откровениям даже с самыми близкими людьми, с другой же – ему было только шестьдесят пять, и он чувствовал себя еще достаточно здоровым и крепким человеком. И тем не менее приехавшие на дачу люди были уверены, что его отец что-то прятал. Что мог прятать бывший заместитель министра финансов республики? Документы? Деньги? Какие-нибудь ценности? Скорее, наверное, документы, которые могли кого-то изобличить. А может, приехавшие были совсем не бандиты, а наоборот?.. Сотрудники КГБ или другой секретной организации, которые охотились за этими документами. Тогда понятно, почему они так гуманно поступили с его матерью, решив отпустить ее домой. Они даже ни о чем ее не спрашивали, убежденные, что она не могла ни о чем знать. Как тогда сказал позвонивший, «ты ведь тоже финансист»...

Анатолий мучительно размышлял. Если это настолько важные документы, что ради них можно перевернуть вверх дном дачу и квартиру, похитить его мать, убить соседскую собаку и не бояться милиции... Возможно, он действительно прав и это совсем не бандиты, а другие люди. У бывшего заместителя министра могли быть свои секреты. А документы можно было спрятать где угодно, в любом малоизвестном

тайнике.

Но они обыскали на даче все комнаты, даже проверили землю металлоискателем, как потом подсказал ему Петр Паллийчук. И в тех местах, где проходили трубы, даже выкопали землю. То есть сознательно искали места, где могут быть какие-то тайники. И ничего не нашли. В квартире тоже ничего не было найдено. В гараже тем более. Но где тогда отец мог оборудовать свой тайник? Предположим, что он у него был. Предположим, что бандиты или офицеры КГБ, или еще кто-то, кто приезжал к ним на дачу, точно знали, что у отца есть тайник. И не ошибались. Тогда где? Где отец мог оборудовать такой тайник? На даче? Он там жил долго, по несколько месяцев. Но это настолько очевидно, что они прежде всего и бросились искать на даче. В металлическом гараже не было столько места и возможностей. В квартире? Вряд ли у них в квартире есть такие места, где можно что-то скрыть. Нет, это тоже не подходит. Тогда в каком месте отец оборудовал подобный тайник?

Это должно быть абсолютно надежное место, к которому отец имел бы легкий доступ, кроме того, достаточно отдаленное, которое не так просто найти. Где это может быть? Он терялся в догадках. Через две недели, разговаривая с одним из своих коллег, он спросил, где находится дача последнего.

– У черта на куличках, – рассмеялся коллега, – так далеко, что никто и никогда не найдет. Нужно самому все показывать.

– У черта на куличках, – прошептал Анатолий, начиная что-то понимать. – Как ты сказал? Нужно самому все показывать. Верно?

– Да. Что тебя удивило? – не понял его коллега. – Там адресов нет, только я знаю, как туда проехать.

– Точно, – вскочил Анатолий, – так я и думал. Спасибо тебе.

Он выбежал из комнаты. Теперь он примерно знал, где можно искать тайник, о котором так напряженно размышлял. Когда умер его дядя, они с отцом поехали на Чекаловку. Дом находился в глухом переулке. Даже не дом, а домишко. Две небольшие комнатки, закопченная кухня, чердак. Старый, покосившийся деревянный дом, в котором уже никто не жил после смерти младшего брата отца. Отец обошел дом, потрогал стены и затем, уходя, закрыл дверь на замок. Один ключ он вытащил и протянул почему-то сыну. Второй забрал себе.

– Зачем мне ключ? – удивился тогда Анатолий. – Кому можно продать эту развалившуюся избушку? За нее даже двух тысяч рублей не дадут. Только если разобрать на дрова.

– Здесь жили твоя бабушка и твой дядя, – мрачно сверкнул глазами отец, – значит, ты должен с уважением относиться и к этому дому, и к тем, кто раньше здесь жил. Понял?

Он никогда не спорил с отцом. Поэтому просто забрал ключ и положил его в карман. С тех пор он ни разу о нем не вспоминал. И ни разу за полтора года там не был. Старый

дом, про который почти никто не знает. Даже Степан с Олесе́й там никогда не были. Старый дом, ключи от которого были только у отца и у него. Идеальное место для тайника. Как он сразу не догадался!

Потом он долго искал этот злополучный ключ, вспоминая, в каком костюме и в каком плаще он прилетал тогда в Киев. Он уже отчаялся его найти, решил позвонить матери и попросить ее посмотреть второй ключ от квартиры дяди в вещах отца, когда внезапно обнаружил в своем старом плаще зацепившийся за подкладку старый ржавый ключ, который он сразу узнал.

Теперь он с нетерпением ждал пятницы, чтобы уехать в Киев. В последний момент он передумал и взял билет на самолет. Вечером в пятницу он был уже в Киеве. Он не сказал никому, зачем и куда едет. Не стал звонить даже матери и сестре, прямо в аэропорту взял такси и поехал в Чекаловку, к дому своего дяди. Его поразило, как все изменилось за полтора года. Рядом росли новые дома. Но их старый покосившийся дом в конце глухого переулочка был на месте. Отпустив такси, Анатолий подошел к дому. Сердце глухо колотилось. Он оглянулся. Никого. Здесь редко бывали случайные прохожие. Вставил ключ, открыл замок, вошел в дом, захлопнув за собой дверь. Целую минуту он стоял, закрыв глаза, словно ожидая, что сейчас за ним кто-то войдет или постучится. Затем прошел в комнаты.

Здесь все было так, как при жизни дяди. Небольшая сто-

ловая с диваном и еще более маленькая спальня с одной кроватью. Интересно, как здесь могли жить сразу три человека, подумал Анатолий. Он обошел обе комнаты, сел на кровать. Она жалобно заскрипела. Откуда-то вылез небольшой паучок, который начал быстро подниматься вверх по незримой паутине. Анатолий усмехнулся. Может быть, он начал сходить с ума и здесь тоже ничего нет?

Он вернулся в столовую. Отодвинул диван, просмотрел два серванта. Ничего не нашел. Прошел в спальню. Под кроватью тоже ничего не было. В шкафах – пожелтевшее белье и старые одеяла. Он добросовестно перебрал все простыни и наволочки. Но здесь тоже ничего не было. Хотя нет. Когда он отодвинул белье, то наткнулся на какую-то доску. Он нащупал ее пальцами, попытался поднять. Внизу что-то было... Он сбросил белье на пол, дрожащими руками поднял доску. Там лежала небольшая папка. Тяжело дыша, Анатолий ее достал, с трудом сдерживая волнение, раскрыл.

И сразу нахмурился. Это были семейные фотографии. Карточки молодого отца в военной форме, их бабушки, дедушки, погибшего на Халхин-Голе, дяди, который в четырнадцать лет был секретарем комитета комсомола школы и которого исключили из комсомола за родственную связь со старшим братом, оказавшимся врагом государства и получившим тюремный срок за вражескую агитацию.

Анатолий быстро перебрал фотографии. Нет, они ему ничего не могли дать. Дядя, видимо, хранил эти карточки как

семейные реликвии. Но почему он их так глубоко прятал? Очевидно, по привычке. Когда арестовали старшего брата, то наверняка пришли изымать все их фотографии. Вот тогда дядя и оборудовал тайник, убрав туда семейные реликвии. А потом папка так и оставалась в этом месте. Анатолий грустно усмехнулся. В каждой семье есть свои маленькие секреты. Но это явно не те секреты, из-за которых похитили его мать и убили собаку генерала Палийчука.

Он собрал снимки, положил папку на кровать. Нужно будет увезти ее с собой в Москву. Или нет? Там слишком много фотографий. Достаточно взять одну, с отцом в военной форме. Или две, где он с братом. Остальные можно оставить здесь. Вряд ли его собственных детей, когда они появятся, будут интересовать подвиги прадедушки, который погиб в далекой Монголии.

Анатолий невесело усмехнулся. Как цинично он рассуждает! Нужно, конечно, забрать все фотографии, пусть у него в Москве будет маленький семейный пантеон. Но зачем они ему? Для чего ему воспоминания о неудачной жизни дедушки, офицера, который погиб за много тысяч километров от родного дома, об отце, который ушел на фронт в семнадцать лет, геройски сражался, не получил третий орден Славы, а вместо этого за честные рассказы о Пруссии получил лагерный срок. Или о дяде, который в четырнадцать лет был исключен из комсомола и пошел на завод, чтобы надышаться там известкой и стать инвалидом уже к пятидесяти годам?

Напрасно он сюда приехал, неожиданно подумал Анатолий. Что можно прятать в таком месте? Только подобные фотографии, как разбитые осколки воспоминаний прежних лет. Нужно будет прямо сегодня вернуться в Москву. И больше не оставаться в этом доме, где подлинными хозяевами уже давно стали пауки и тараканы. Но решив довести дело до конца, Анатолий осмотрел небольшой чердак. Там было грязно и пыльно.

К его удивлению, в очень маленькой ванной все еще шла вода. Он помыл руки и вернулся в столовую. Надо было заканчивать этот нудный обыск. А сейчас стоит поехать к Оле-се и нормально поужинать, а потом спокойно вернуться в квартиру отца с полной уверенностью, что люди, искавшие тайник его погибшего папы, просто ошиблись адресом.

Анатолий взял папку с фотографиями, чтобы вернуть ее на место. Он придет за ней в следующий раз. Наклонившись, протянул руку. Левая рука соскользнула и провалилась в какое-то углубление. В правой он держал папку. Внезапно шкаф, стоявший к нему лицом, словно сдвинулся с места. Это смутило Анатолия. Он выпрямился, убрал папку снова на кровать. И, протянув левую руку, снова нащупал углубление, нажал на какой-то рычаг. На сей раз он не ошибся. Шкаф действительно пошатнулся и сдвинулся с места. Анатолий нажал на рычаг уже сильнее, и шкаф отодвинулся.

Внизу была дверь. Возможно, вход в старый подвал. Анатолий схватился за небольшую ручку и потянул на себя двер-

цу. Она не поддавалась. Он попробовал еще раз. Все заскрипело вокруг, но дверца упрямо оставалась на прежнем месте. Он прошел на кухню, достал самый большой нож, который там был. Вернулся, вставил нож в щель и снова попытался открыть. Доски пола скрипели, но по-прежнему не желали поддаваться.

Анатолий выругался. Снова прошел на кухню. Топора, конечно, он не нашел, но забрал второй нож, чтобы попытаться открыть дверцу сразу двумя ножами. Вставил один. Начал вставлять другой. И снова тянул на себя дверцу изо всех сил. Послышался громкий треск, словно подвал не желал расставаться со своими секретами. Анатолий замер, даже оглянулся вокруг. Ему показалось, что треск был слишком сильным. Его могут услышать с улицы, могут понять, чем именно он здесь занимается. Он поднялся и подошел к окну, посмотрел на улицу. В этот летний вечер здесь никого не было. Он снова вернулся к этой проклятой дверце. Сколько можно мучиться из-за гнусного тайника! Может, здесь вообще ничего нет, и внизу только царство тараканов. Он разозлился и изо всех сил потянул на себя дверцу. Наконец она поддалась и с громким треском открылась. Внизу было темно. Он осторожно протянул руку и сразу ее отдернул. Что-то внизу зашуршало. Только не хватает, чтобы его укусила здесь змея...

Анатолий прошел на кухню, попытавшись найти спички. Впервые в жизни он жалел, что не курит. Спичек нигде не было. Он громко выругался. Вернулся в спальню. Здесь, ря-

дом с кроватью, была небольшая настольная лампа. Кажется, он видел на кухне удлинитель, лежавший в углу. Он прошел на кухню, забрал удлинитель, включил лампу и, взяв ее в руки, наклонился над открытой дверцей.

Он увидел блестящую поверхность. Снова протянул руку. Опять привычное шуршание. Целлофан, догадался Анатолий. Черт возьми, это обычный целлофан. Он положил лампу рядом с собой, чтобы она освещала его руки. И начал раскрывать сверток. Ничего не получалось, что его окончательно взбесило. Он нашел лежавший на полу нож и начал яростно кромсать целлофан, словно пытаясь наконец найти сам тайник.

Внезапно Анатолий остановился. Там что-то мелькнуло. Он протянул руку, доставая из целлофана какой-то увесистый пакет. Поднял руку и не поверил своим глазам. У него в руках была пачка стодолларовых купюр. Десять тысяч долларов. Огромные, невероятные, немыслимые деньги. Десять тысяч долларов! Неужели эта пачка принадлежала отцу? Или там еще что-то есть?

Он наклонился и нащупал еще одну пачку. Затем еще одну. И еще. Он доставал и доставал деньги, словно помешанный, забыв обо всем на свете. Забыв о времени и пространстве, в котором существовал. Пачки лежали вокруг него, и гора этих денег неумолимо росла. Наконец он остановился, выбился из сил. Оглядел лежавшую кучу денег. Тяжело выдохнул воздух. Здесь были сотни тысяч долларов! Нет, го-

раздо больше. Здесь были миллионы долларов! Здесь было столько денег... В это невозможно поверить, невозможно осознать, что такая сумма лежала в старом доме под дощатым полом, завернутая в несколько слоев целлофана.

Анатолий почувствовал, как затекла спина. Он взглянул на часы. Уже третий час ночи. Неужели он столько времени провел, сидя на полу у этого подвала? Только теперь он почувствовал, как болит все тело. Он тяжело поднялся и, дойдя до кровати, буквально рухнул на нее. Фронтальные фотографии отца и деда упали на пол, но он не обратил на них никакого внимания. Рядом были пачки денег. Такое количество долларов он не видел даже в отделениях банков, куда ходил с ревизией. Здесь было столько денег! Он счастливо улыбнулся. В этот момент Анатолий забыл о смерти отца, похищении матери, убийстве соседской собаки. Он забыл обо всем на свете. Рядом лежала огромная куча денег. Она могла сделать его самым счастливым человеком на Земле. И поэтому он смотрел на эти деньги не мигая, словно замороженный.

Глава 6

Анатолий пролежал на постели почти до утра. Он даже не мог сказать, что делал все эти часы. Но он точно не спал. Деньги словно притягивали его взгляд, заставляя забывать о времени. Самое понятие времени превратилось отныне в пустой звук. С таким количеством денег он мог не следить за ходом минут и часов. Можно не бояться опоздать на работу, пропустить важное деловое совещание. С таким количеством денег он мог делать все, что угодно.

Было около семи, когда Анатолий заставил себя подняться. Теперь нужно было спокойно пересчитать деньги. Он прошел в ванную, прополоскал рот. Пить он не стал, вода из ржавого крана могла оказаться некачественной. Он нашел чайник, набрал воду, но опять не сумел найти спички. Чертыхаясь, он снова прополоскал рот и вернулся в спальню. Нужно было купить бутылку воды в аэропорту, вспомнил Анатолий. Но кто мог подумать, что он застрянет в этом доме на такой долгий срок.

Он сел на пол и начал считать деньги. Через два с половиной часа он уже знал, что под прогнившим деревянным полом дома его дяди лежало ровно десять миллионов долларов наличными. И еще сорок пять тысяч марок, которые он нашел в самом конце.

Это был не просто клад и не просто тайник. Это было

настоящее состояние. Анатолий посмотрел на эту кучу денег. Чтобы увезти их отсюда, понадобится автомобиль. Интересно, как мог отец привезти сюда их незаметно? Неужели грузил в багажник своего автомобиля? И откуда у него было столько денег? Теперь понятно, что именно искали неизвестные, проверявшие их дачу и квартиру. Ради таких денег можно было убить соседскую собаку, перевернуть вверх дном дачу, обыскать квартиру и даже украсть его мать.

Ради таких денег люди готовы идти на любые подлости, любые ухищрения в жизни, на любые уловки. Анатолий посмотрел на лежавшие перед ним пачки денег. Непонятно, как он сможет их отсюда вывезти, куда спрячет снова, как сможет ими воспользоваться. Если бы здесь было десять тысяч или даже сто, то тогда он бы точно знал, что с ними делать. А когда здесь десять миллионов долларов... Такую сумму просто страшно себе представить. И ведь еще никто не отменял статью за валютные преступления. Откуда у отца могла быть такая невероятная сумма в долларах и марках? Как отец смог украсть или присвоить такие деньги? Нет, судя по всему, эти деньги не краденые и, конечно, не принадлежали отцу. Эти деньги ему кто-то передал на хранение. И кто-то, узнав о смерти отца, хотел их вернуть. Вернуть себе свое состояние. Но он не мог даже подозревать, что отец так умно и ловко спрячет такую сумму, а ключ от квартиры отдаст своему сыну, не сказав ни слова.

Анатолий поднялся. Ужасно хотелось пить. Но оставлять

деньги во второй раз без присмотра он не мог. Чувствуя, как от жажды пересохли губы, смотрел на эти пачки денег, не в силах от них оторваться. Наконец буквально заставил себя отвернуться и выйти в столовую. Там перевел дыхание, словно отгоняя гипноз. И вышел на улицу, закрыл дверь. Нужно найти спички и вскипятить воду, которую он сможет пить.

Он сделал шагов двадцать по переулку. Уходить далеко ему не хотелось. Постучал в первое окно. Мелькнуло рассерженное женское лицо. Неизвестная погрозила ему кулаком. Он улыбнулся. Прошел дальше. Увидел идущего по переулку молодого человека, возможно, студента.

– Добрый день, – шагнул к нему Анатолий.

– Здравствуйте, – недоуменно взглянул на него молодой человек. У Анатолия были растрепаны волосы, и вообще он, видимо, казался в эту минуту помешанным.

– Вы курите? – спросил Анатолий.

– Вам нужна сигарета? – достал пачку молодой человек.

– Нет. Мне нужны спички.

– У меня нет спичек. Только зажигалка, – пожал плечами молодой человек.

– Сойдет. Я покупаю у вас эту зажигалку. Даю сто рублей.

– Не нужно сто, – улыбнулся студент, – она стоит дешево.

Обычная зажигалка. Зачем вам такая?

– Сто пятьдесят, – устало выдохнул Анатолий, – только быстрее.

Он достал деньги. Парень протянул ему зажигалку, взял

деньги и поспешил отойти, словно опасаясь, что этот чокнутый сейчас передумает. Анатолий схватил зажигалку и помчался обратно в дом. Чайник он поставил на газ, включил огонь. Уже через пятнадцать минутпил горячую воду, причмокивая от удовольствия. Выпив сразу три стакана горячей воды, немного успокоился. Теперь нужно было решать, что делать с таким количеством денег.

Рассовать все по карманам невозможно. Унести в авоське или в чемодане тоже немислимо. Денег было так много, что они бы не поместились ни в один чемодан. Кажется, банкиры говорили, что миллион долларов можно поместить в большой «дипломат». Значит, для того, чтобы унести отсюда десять миллионов, нужно иметь десять «дипломатов», что достаточно нереально.

Купить два больших чемодана и сложить туда все деньги? Возможно, но тогда придется оставить их здесь на некоторое время без присмотра. А сама мысль об этом вызывала у него настоящую панику. Но другого выхода просто не было. Может, позвонить Степану и попросить его купить два больших чемодана? А если за Степаном следят? Если они поймут, зачем Степан покупает чемоданы, и приедут следом за ним прямо сюда? Возможно, они и в этот раз проявят «гуманизм» и не станут убивать их обоих. Но Анатолий лишится единственного шанса в жизни, когда он мог стать по-настоящему богатым человеком.

Нет, Степану он звонить не станет. Тогда нужно решиться

самому. Выйти отсюда и поехать в соседний универмаг, где приобрести два больших чемодана. Потом нужно будет ехать на вокзал. В самолет ему соваться нельзя. Надо занять целое купе. Оба места, чтобы не было посторонних. Только так он сможет спокойно привезти деньги из Киева в Москву.

Надо будет сложить оставшиеся деньги обратно. Но это невозможно! Просто невозможно. Он оглядел всю кучу, увидел разорванный целлофан. Нет, обратно деньги просто не полезут. Он не сможет сложить их так аккуратно, как нужно. Значит, лучше оставить их просто под кроватью. Если здесь не было никого целых полтора года, то следует надеяться, что и в ближайший час никто не появится.

Анатолий наклонился и начал двигать пачки денег в сторону кровати. Увидев уже знакомого паучка, начал яростно размахивать руками, пытаясь сорвать невидимую паутину, как будто паучок мог украсть его деньги. Насекомое упало на пол, семена лапками, когда Анатолий раздавил его очередной пачкой денег. Вскоре все деньги были уже под кроватью. Анатолий проверил подвал, закрыл дверцу, придвинул шкаф на место. Собрал наконец фотографии, положив их на столик в столовой. Усилием воли заставил себя не смотреть в сторону спальни и вышел из дома, закрыв за собой дверь.

Все остальные действия он совершал словно в бреду. Его сознание осталось там, под кроватью, где находилась эта неслыханная куча денег, где были вынутые из-под пола пачки. Он вышел на улицу, машинально поймал такси, попро-

сил отвезти его в ближайший универмаг. В этом универмаге не было больших чемоданов. В нем вообще почти ничего не было, кроме пустых полок. Он ошеломленно бродил по четырехэтажному зданию магазина. Если в Москве еще сохранялось некое подобие торговли, то в Киеве в августе девяносто первого в загородных универмагах трудно было рассчитывать найти подходящие вещи. Он попросил водителя отвезти его в центральный универмаг. Машина рванула в центр.

Здесь он приобрел два больших чемодана. И вдруг подумал, что не сможет поднять эти чемоданы. Не сможет их унести, а оставлять один из них под присмотром случайного попутчика было невозможно. Анатолий вернулся и поменял два огромных чемодана на два средних. Теперь он был уверен, что сумеет унести оба кейса, но в них могли не поместиться все деньги. Он вернулся к себе, купив по дороге какой-то еды и две бутылки воды. Вид у него был как у сумасшедшего. Расплатившись с водителем, вылез за квартал до своего дома и потом быстро бежал по переулку с двумя пустыми чемоданами. В доме бросился к кровати, словно опасаясь, что денег уже нет. Но деньги были на месте. Он начал набивать чемоданы. Как и предполагал, не все деньги туда вошли. Поместилось там примерно две трети. Он начал собирать деньги, заворачивая их в остатки целлофана. Затем бережно уложил оставшуюся сумму обратно в подвал. Проверил доску, закрыл дверцу, подвинул рычаг, возвращая

шкаф на свое место. Даже положил обратно папку с фотографиями. Сверху сложил белье. Все как обычно. Он оглядел спальню и остался доволен. На полу был мусор и обрывки целлофана. Он принес веник и тщательно все подмел. Затем поднял оба чемодана, они были достаточно тяжелыми. В каждом оказалось больше трех миллионов долларов. Но он мог нести сразу оба чемодана. Это его радовало. В таком случае не придется оставлять один, чтобы забрать второй. А за оставшейся суммой всегда можно вернуться.

Анатолий поел, сидя на полу, выпил воды. Он был небрит, от него дурно пахло. Но он не обращал внимания на подобные мелочи. Самое важное в жизни он уже сделал – нашел такое состояние. Интересно, откуда у отца могли быть такие деньги, в который раз подумал Анатолий. Ясно, что он не собирал их всю жизнь. Здесь были деньги в новых банковских упаковках, словно кто-то специально выдавал эти суммы его отцу для хранения в этом старом доме. Наверное, те самые люди, которые искали свои исчезнувшие деньги и готовы были ради них на любые жертвы.

Он поднялся. Снова оглядел спальню. Остатки еды и пустую бутылку положил в пакет, чтобы выбросить на улице. Взял оба чемодана. В одной руке пришлось нести также и пакет. Вышел на улицу, когда уже начинало темнеть. Анатолий закрыл дверь, посмотрел на этот тихий дом и, повернувшись, пошел к выходу из переулочка. Кто бы мог подумать, что в этом месте зарыто такое сокровище, удовлетворенно поду-

мал Анатолий. Он дошел до угла, выбросил пакет с остатками пищи. Прошел дальше. Сейчас нужно найти свободное такси, к частнику не хотелось садиться. Он ждал довольно долго, пока рядом не затормозило такси. Попросив отвезти его на центральный вокзал, он посмотрел на часы. Еще не поздно, он может успеть на московский поезд.

Через тридцать минут Анатолий уже пытался взять билет в кассе на Москву. В летнее время получить место в мягом вагоне СВ было практически невозможно. Он предложил кассирше заплатить пятикратную стоимость, но она лишь равнодушно пожалала плечами. Билетов не было. Ему досталось место в плацкартном вагоне. Самое обидное, что, кроме него, там оказались двое каких-то угрюмых типов и вороватая женщина с золотой фиксой во рту, словно сошедшая с экрана фильма о двадцатых годах. Он не спал всю ночь, охраняя свои чемоданы, дергаясь при малейшем шуме. Угрюмые типы оказались шахтерами, которые ехали в Москву на какую-то профсоюзную встречу, а дамочка с золотой фиксой – продавщицей сельпо. Все трое веселились почти до четырех утра. Когда поезд прибыл в Москву, Анатолий еле держался на ногах от усталости. Он сумел забрать оба чемодана и вылезти на перрон. У Киевского всегда было много частников. Он сдался, чтобы долго не ждать, и согласился на предложение одного из них.

Еще через полчаса машина подвезла его к дому. Он забрал чемоданы, расплатился с водителем, зашел в подъезд.

Здесь было привычно тихо и сухо. Он пошатнулся от усталости. Чувствуя, что может потерять сознание, втолкнул чемоданы в кабину лифта, поднялся на свой этаж. На лестничной клетке вытащил чемоданы, достал ключи, отпер дверь. Внес чемоданы в квартиру, затем тщательно закрыл дверь. Анатолий так устал и ему так хотелось спать, что он уже больше ни о чем не мог думать. Но чемоданы стояли рядом с ним. Он открыл их, проверяя сохранность своих денег. Деньги были на месте, все пачки. Он решил, что следует пересчитать всю сумму. Но дважды или трижды сбивался со счета. Тогда Анатолий поднялся, прошел в ванную, на ходу стягивая с себя одежду. Встал под холодный душ и через минуту вышел, вытираясь полотенцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.